

- Она несёт в себе ответственность старшего принца и всю ту безысходность... Если бы всё с самого начала сложилось иначе, неужели у всех нас был бы счастливый конец?

- Я не виню тебя, - она закусила губу, покачала головой и попыталась одарить его успокаивающей улыбкой, хотя та скорее напоминала страдальческий вздох. - Это я сама... была слишком опрометчива. Юн Ци, не нужно так убиваться.

Спокойствие и отрешённость в её голосе застали Юн Ци врасплох. От этого стало ещё тяжелее: в горле застрял ком, и он не мог вымолвить ни слова.

Цзы Вэй, продолжая поивать её водой, снова залилась слезами:

- Сяо Яньцзы, перестань говорить, поправляйся как следует. Разве ты понимаешь, что чуть до смерти не напугала нас?..

- Точно-точно, - подхватила наложница Лин, утирая слёзы. - Впредь непременно береги себя.

Наперебой сыпались слова участия и заботы. Слушая их и глядя на всех вокруг, Сяо Яньцзы чувствовала, как в груди нарастает щемящая тоска. Она жадно впитывала каждое мгновение, упиваясь этой подлинной, осязаемой реальностью. На сей раз первой сделала шаг она.

Её взгляд невольно вновь скользнул к окну.

Эр Тай по-прежнему стоял там, тихий, словно безмолвная декорация.

В отличие от Юн Ци, он не выражал своих чувств с такой пылкой поспешностью, и не лил слёз, подобно Цзы Вэй. Он просто безмолвно наблюдал за происходящим, и большую часть времени его взор был прикован к ней. Изредка их взгляды встречались, и тогда он чуть заметно кивал или едва уловимо приподнимал уголки губ — ободряюще, даруя ей душевный покой.

И всё же Сяо Яньцзы заметила в глубине его глаз то затаённое, глубокое беспокойство, которое он не успел до конца скрыть: он всё слышал.

Хотя вокруг стоял шум, он непременно расслышал её зов перед тем, как она потеряла сознание.

О чём он думает? Неужели тревога в его глазах означает, что и в этой жизни он снова отступит?..

Лекарь заново выписал рецепт и дал множество наставлений, после чего Цяньлун велел всем пока удалиться, чтобы Сяо Яньцзы могла как следует отдохнуть, оставив у постели лишь Цзы Вэй с личной служанкой.

Остальные с неохотой разошлись.

Юн Ци вывели практически под руки, наполовину уговорами, наполовину силой; его взгляд неотрывно был прикован к Сяо Яньцзы. Эр Кан похлопал Юн Ци по плечу и о чём-то тихо заговорил с ним.

Наложница Лин ещё раз шепнула пару напутствий Цзы Вэй и лишь после этого плавно удалилась.

Напоследок Цяньлун поднялся, подошёл к кровати и большой тёплой ладонью легко коснулся лба Сяо Яньцзы.

– Поправляйся, если чего-то не хватает – только скажи, и ни о чём не думай. Отец-Император навестит тебя ещё раз чуть позже, – со вздохом произнёс он.

– Слушаюсь, Отец-Император, – тихо ответила Сяо Яньцзы. В то время Отец-Император и впрямь был к ней невероятно, безмерно хорош. Лишь из-за того, что в прошлой жизни она жадно цеплялась за это несравненное благоволение и не желала возвращать его Цзы Вэй, им пришлось петлять столько кругов и перенести столько тягот...

Цяньлун кивнул, бросил на неё ещё один взгляд и лишь после этого повернулся и вышел.

В покоях наконец воцарилась тишина, остались лишь Цзы Вэй, Цзиньсо, Минъюэ и Цайся.

Сяо Яньцзы приоткрыла рот, желая расспросить о положении императрицы, но Цзы Вэй остановила её. Заботливо подоткнув одеяло со всех сторон, она мягко произнесла:

– Императрица заточена Императором в Дворце Куньнин. Поспи ещё немного, скоро подоспеет отвар. Сначала подлечимся, а уж потом навестим императрицу.

Увидев тревогу на лице Цзы Вэй, Сяо Яньцзы не стала спорить и послушно согласилась.

Эти дни выдались для Сяо Яньцзы одновременно тягостными и необычными.

Мучительной её жизнь делала боль в ране на спине, сковывавшая движения и причинявшая невыносимую духоту от невозможности нормально повернуться. Необычным же было то, что ни в этой, ни в прошлой жизни её никогда прежде не навещало столько людей и с такой пугающей частотой.

Прежде всего — Отец-Император. Возвращаясь после утренней аудиенции, он неизменно заворачивал к ней: то в сопровождении императорского лекаря, то принося с собой диковинные вещицы. Однажды, глядя, как она морщится и кривит рот от горечи выпитого

лекарства, Цяньлун словно по волшебству извлёк из рукава небольшой свёрток с кедровыми орешками в сахарной глазури, которые водились только в простонародье, и сурово произнёс:

- Ешь по штучке изредка, баловаться не позволю.

Сжав этот кулёк, Сяо Яньцзы почувствовала, как защипало в носу, и чуть не расплакалась.

Наложница Лин приходила, излучая весеннее тепло. Она принесла не только всевозможные редкие укрепляющие снадобья и лучшие мази от шрамов, но и лично наставляла служанок, как правильно ухаживать за больной, чтобы раны зажили быстрее и не оставили следов:

- Для девушки шрамы на теле — всегда изъян.

Она нежно поправила выбившиеся прядки у висков Сяо Яньцзы, и в её глазах читалась неподдельная жалость.

Юн Ци заглядывал каждый день после завершения учёбы, и вместе с ним неизменно приходили Эр Кан и Эр Тай.

Поведение Юн Ци по-прежнему оставалось пылким и нетерпеливым. В его глазах клубились густая, неотвязная вина и паника человека, обретшего потерянное; казалось, моргни он – и сидевшая перед ним исчезнет. Однако для Сяо Яньцзы из этой жизни подобное внимание было лишь бременем. Ей оставалось лишь молча избегать излишнего участия и переводить разговор на другую тему, притворяясь простодушной дурочкой.

Эр Кан неизменно держался более хладнокровно, напоминая надёжного старшего брата. Он подробно расспрашивал лекаря о состоянии раны, обсуждал с Юн Ци возможные последствия инцидента во Дворце Куньнин, а также напоминал Цзы Вэй и Сяо Яньцзы о некоторых важных мелочах.

Что же до Эр Тай... он неизменно держался чуть в стороне, молча слушая общие разговоры, но его взгляд то и дело останавливался на Сяо Яньцзы. Иногда он как бы невзначай приносил какую-нибудь вещицу: то сборник народных побасенок и легенд, чтобы Сяо Яньцзы не скучала (правда, зачитывать его в подробностях приходилось трудолюбивой Цзы Вэй), то искусно сплетённого из травинки кузнечика. Он никогда не задерживался надолго, а подарки вручал непринужденно и естественно, словно делал это между делом.

Почему же в прошлой жизни Сяо Яньцзы не замечала, что забота, источаемая Юн Ци и Эр Каном, ограничивалась лишь словами, тогда как именно безделушки Эр Тая лучше всего разгоняли больничную скуку?

Стискивая в пальцах соломенного кузнечика и вспоминая, как в прошлой же жизни он безумным галопом нёсся обратно из далёкой Монголии, услышав весть о её смерти, Сяо

Яньцзы неизменно ощущала в груди лёгкую, щемящую рябь.

В этой жизни пусть к Эр Таю сделает шаг она.

Хотя Сяо Яньцзы отлеживалась уже несколько дней, боль в ранах утихла не до конца, и любое движение всё так же отзывалось в хрупкой плоти приступами тупой боли.

Но Сяо Яньцзы больше не могла ждать.

Она чувствовала, что атмосфера в обители Шуфан и за её пределами по-прежнему остаётся натянутой.

Пусть Отец-Император больше не поднимал этот вопрос, было очевидно, что его гнев на императрицу ещё не угас: навещая Сяо Яньцзы, он не скрывал недовольства ею в своих речах. Цзы Вэй, Юн Ци и остальные и вовсе воспринимали императрицу не иначе как главную виновницу, во всяком их слове и движении сквозила настороженность и сдерживаемый гнев.

Слуги же ходили как на иголках: казалось, между Дворцом Куньнин и обителью Шуфан выросла невидимая ледяная стена.

Эту стену необходимо было разрушить. И сделать это могла только она.

– Сяо Яньцзы, ты сошла с ума? – Цзиньсо, державшая пиалу с лекарством, услышав тихое заявление Сяо Яньцзы о намерении отправиться во Дворец Куньнин, так испугалась, что её рука дрогнула и отвар чуть не плеснул через край. – Твои раны ещё не зажили, к тому же... к тому же императрица...

В её глазах читался ничем не прикрытый страх и яростное несогласие.

– Верно, принцесса, нельзя же так шутить со своим здоровьем! – Миньюэ и Цайся тоже засуетились и затопали ногами от тревоги.

Сяо Яньцзы лежала на животе, её лицо из-за боли и кровопотери ещё сохраняло бледность, но во взгляде горела необыкновенно ясная и непреклонная решимость.

– Цзы Вэй, Цзиньсо, послушайте меня. – Голос её был негромким, но нёс в себе успокаивающую силу. – Те палки выбили из меня всю дурь. Раньше я была слишком бестолковой, вечно думала, что мне море по колено, и к чему это привело? Под палками оказалась я, переживали вы, а в затруднении был Отец-Император.

Она на мгновение умолкла, глядя в полные тревоги глаза Цзы Вэй, и продолжила:

- Бесконечно прятаться и ненавидеть – не выход. Императорский дворец тесен: стоит выйти за порог, как непременно столкнёшься нос к носу. Я не могу всю жизнь воевать с императрицей, заставляя вас, Юн Ци и всех, кто дорог мне, жить в постоянном страхе?

- Не нос к носу, а столкнуться лицом к лицу, – поправила её поговорку Цзы Вэй, замолкла на секунду и явно собиралась добавить что-то ещё.

- Никаких «но»! – Сяо Яньцзы легко покачала головой, выдавив примирительную улыбку.

- Не переживайте, живучести мне не занимать, – Сяо Яньцзы озорно скабилась перед зеркалом, и в её глазах мелькнул лукавый огонёк. – К тому же я иду не драться и не читать нотации. Я иду... «нагнать».

- Нагнать? – Цзы Вэй и Цзиньсо переглянулись.

Улыбнувшись про себя, Сяо Яньцзы взяла с собой Минъюэ и Цайся и направилась во Дворец Куньнин.

На сей раз шаг хоть и был немного зыбким и медленным, но по сравнению с прошлым мучительным передвижением это можно было назвать «лёгким».

Дворец Куньнин.

Императрица, отбывавшая домашний арест в покоях, молча коленапреклоненная перед статуей Будды, совершала молитву. Вошла Няня Жун и с озадаченным видом доложила:

- Ваше Величество, пожаловала Принцесса Хуаньчжу, ожидает у ворот.

Движение руки, с которой императрица заваривала чай, замерло. Опять она? Чего ей надобно на этот раз? Только раны зажили, как пришла нарываться на неприятности?

- Пусть войдёт, – императрица опустила пиалу на столик и придала лицу суровое выражение.

Сяо Яньцзы вошла внутрь и отвесила безупречный поклон:

- Сяо Яньцзы приветствует императрицу.

Все правила соблюдены, голос звонкий, на щеках даже играл легкий, естественный румянец — она специально велела Минъюэ и Цайся нанести румяна поярче перед выходом. Эта маленькая хитрость в сочетании с хлопающими большими глазами делала её похожей на фарфоровую куколку: игривую и миловидную.

- Встань, - императрица окинула её оценивающим взглядом и холодно бросила: - Рана принцессы зажила?

- Благодарю Ваше Величество за заботу, намного лучше! - Сяо Яньцзы поднялась на ноги, её глаза изогнулись полумесяцами, а тон звучал так непринужденно и ласково, будто она отвечала на расспросы доброй родственницы. - Только пока еще немного тяжело двигаться, но лекарь говорит, что если еще немного отдохнуть, всё пройдет! Кровавые птичьи гнёзда, что вы присылали в прошлый раз, оказались невероятно целебными! Цзы Вэй приготовила мне отвар, после него прямо-таки прилив сил!

Она выпалила всё это быстро и гладко, с такой привычной теплотой и благодарностью, что дежурные вежливые фразы, заготовленные императрицей, застряли у той в гортани.

- Раз помогает, хорошо, - с трудом выдавила императрица. - Зачем пожаловали сегодня?

- Разве нельзя просто так навестить Ваше Величество? - Сяо Яньцзы захлопала глазами, и в её голосе прорезалась едва уловимая обида вперемешку с доверчивостью. - Я столько пролежала в постели, чуть со скуки не померла. Подумала, что у Вас тут так тихо и уютно, вот и... не удержалась и пришла. Вы ведь не прогоните меня за болтовню?

Не дожидаясь ответа, её взгляд «случайно» упал на небольшую тарелочку с печеньем, стоявшую на столике подле императрицы. То наверняка были розовые пряники, которые императрица лепила сама, устав от заточения: маленькие, изящные, источающие заманчивый аромат.

Глаза Сяо Яньцзы мгновенно засияли, точь-в-точь как у ребёнка, увидевшего новую игрушку. Она шумно сглотнула несуществующую слюну, жадно уставилась на тарелочку, затем перевела взгляд на императрицу и жалобно забормотала:

- Ой... как аппетитно выглядит... В обитель Шуфан такой изысканной выпечки не подают...

Императрица потеряла дар речи. Эта девчонка явилась сюда кланяться сладости?

Углы рта Няни Жун тоже нервно дёргались: какую же новую комедию ломает эта Принцесса Хуаньчжу?

Глядя на неприкрытый аппетит Сяо Яньцзы и её сияющие глаза, императрица почувствовала, как капелька подозрительности и строгости в её сердце необъяснимым образом рассеялась. Как ни крути, в душе она оставалась ребёнком: стоило ранам чуть затянуться, как на уме одна еда.

- Няня Жун, дай принцессе печенье, - велела императрица, и её голос сам собой стал мягче.

- Благодарю Ваше Величество! – Сяо Яньцзы тут же расплылась в улыбке, приняла из рук Няни Жун угощение и, забыв про всякие манеры, принялась быстро-быстро откусывать маленькими кусочками, блаженно прищуриваясь при каждом жевании.

- ...И впрямь вкуснятина! Во дворце Вашего Величества выпечка совсем другая!

Она уплетала за обе щеки, её пухлые щёки забавно двигались вверх-вниз, напоминая укравшего лакомство хомячка. Эта лишённая всякой фальши радость неожиданно разрядила напряжённую атмосферу, царившую в покоях.

Проглотив один кусок, Сяо Яньцзы облизнула губы в явном желании добавки и подалась вперед, подсаживаясь еще ближе к креслу императрицы. Задрав голову кверху, она звонко выпалила полупросительным, полукапризным, нагловатым тоном:

- Матушка-Императрица, вы просто прелесть!

Матушка-Императрица?!

Эти три слова гроыхнули в тишине Дворца Куньнин подобно удару грома средь ясного неба.

Чётки в руке императрицы с сухим стуком упали на пол. Она оцепенела, её глаза широко раскрылись, и она с неверием воззрилась на сиявшую улыбкой девушку, так легко и естественно бросившую это обращение.

Няня Жун тоже лишилась дар речи: её рот был разинут, и она понятия не имела, бранить ли незваную гостью или делать что-то ещё.

Сяо Яньцзы же выглядела так, будто вовсе не осознавала, какую бурю только что подняла. Она всё так же беспечно улыбалась, придав лицу капельку лукавства:

- Чего вы? Разве я назвала вас неправильно? – она склонила голову набок, глядя на неё с предельно «чистым» взором. – Отец-Император – мой отец, а вы – жена Отца-Императора, разве вы тогда не моя «матушка-императрица»? Когда я жила в трущобах, у дяди Вана из соседнего двора появилась новая жена, и мы все звали её новой тётушкой! Обращение «матушка-императрица» звучит куда роднее, чем «императрица»! Правда ведь, матушка-императрица?

Она сыпала «матушками-императрицами» направо и налево — сладко и звонко, подводя под это железную базу. Звучало это безумно нелепо, но при этом у собеседницы вмиг пропадали все аргументы для возражения: неужели пускаться в долгие споры о разнице между придворным этикетом и простонародными привычками? Это всё равно что метать бисер перед свиньей, да к тому же выставило бы её самой мелочной.

Лицо императрицы сменило множество оттенков: от шока и изумления до целой гаммы крайне сложных, непередаваемых эмоций.

Первой мыслью после потрясения стало: «Какая дикость! Какое посягательство на чужие права!», однако стоило ей взглянуть на абсолютно чистые, искренне радостные и ласковые глаза Сяо Яньцзы, как упрёк застревал в глотке.

Эта девчонка... она и вправду ничего не понимает? Или... намеренно?

Если намеренно, то до чего же у неё дерзкие мысли! И сколь... ошеломляющие методы! Кто вообще додумается так набиваться в подруги?

К тому же, её тон, когда она произнесла «матушка-императрица», был настолько естественным и нежным, без малейшей фальши или попытки прощупать почву, словно в её сердце так и должно было быть с самого начала.

И вот эта открытая, безоговорочная привязанность заставила дрогнуть какую-то заскорузлую струну в душе императрицы.

Сколько лет прошло с тех пор, как она взошла на престол? Помимо предписанных строгим этикетом формальностей, многие ли обращались к ней с такой искренней интонацией, лишённой какого-либо расчёта на выгоду — просто «матушка-императрица»? Все эти наложницы, принцы и принцессы — разве не относились они к ней со страхом, холодным расчётом или отчуждением?

– Бред... сущий бред! – наконец обрела голос императрица, но он прозвучал куда мягче обычного, выдав даже крошечную, неуловимую для неё самой нотку неуверенности. – Дворцовые уставы и этикет – не детские забавы из простонародья! Разве гоже кому попало бросаться титулом «матушка-императрица»?

– А? Разве нельзя называть так? – Сяо Яньцзы мгновенно сникла: её личико сморщилось, а в глазах тут же заблестела пелена обиды, будто её напугали или жестоко лишили заветной мечты. – Но... но я ведь так сильно мечтала о матушке-императрице...

Она опустила голову, механически теребя пальцами край платья. Голос её упал, приобретя гнусавый оттенок:

– Я знаю, что раньше вела себя глупо и сердила матушку-императрицу. Но теперь я всё поняла, я исправлюсь. Мне просто думалось: как здорово было бы иметь матушку-императрицу, которая бы любила меня и защищала, совсем как других принцесс и принцев...

Она подняла влажные от слёз глаза — это было вовсе не наигранно, просто она с непривычки потревожила рану, когда резко наклонилась. Мгновенно бросив на императрицу вороватый

взгляд, она глянула точь-в-точь как испуганный зверёк, жаждущий ласки, но боящийся отталкивания.

- Матушка... если Императрица против... я... я больше не буду так звать...

При этом она ещё и испуганно втянула голову в плечи, выглядя так, будто её отчитали не за провинность с титулом, а отходили палками.

Этот приём отступления ради наступления в сочетании с жалким видом обладал поистине сокрушительной убойной силой.

Императрица посмотрела на девчонку, в одно мгновение превратившуюся из лучезарного солнышка в понурое создание, и застряла между небом и землёй: выдохнуть и гнаться не получалось.

Отчитать её - значит выставить саму себя бессердечной мегерой, придирающейся к не ведающему правил ребёнку. Промолчать же - дать слабину, и что тогда начнётся дальше?

- Ты... - императрица глубоко вздохнула, силясь сохранить величественный вид. - Вопросы именования связаны с устоями и не терпят панибратства. Об этом... мне надлежит испросить волю Императора. А до тех пор, пока Император не вынесет решение, ты... зови меня пока просто «Ваше Величество».

Это было нечто вроде отступного манёвра и перекладывания сложной задачки на плечи Цяньлуна.

- Ох... ладно... - Сяо Яньцзы скорчила разочарованную, но послушную гримасу, однако глазки её хитро блеснули, и она добавила полусшепотом: - Тогда... когда никого нет рядом, можно я буду в душе звать вас «матушка-императрица»? Про себя, чтобы никто не услышал!

Императрица: «.....» Эта девчонка, до чего же ловко умеет садиться на шею!

Няня Жун и стоявшие поодаль служанки еле сдерживали смех, закусив губы до боли.

Наблюдая за плутовской физиономией Сяо Яньцзы, заявлявшей «я такая послушная, буду звать только про себя», императрица наконец не выдержала: её плотно сжатые губы дрогнули, и на долю секунды на них мелькнула едва заметная тень улыбки.

Она невольно почувствовала себя в тупике.

- Остра на язык! - только и смогла бросить в конце концов императрица, растеряв всю прежнюю ледяную спесь. - Раз раны еще не до конца зажили, нечего шастать где ни попадя.

Возвращайся и отдыхай как следует.

Это означало отбой, хотя тон прозвучал значительно мягче.

- Слушаюсь! Сяо Яньцзы уходит! Матушка-императрица, тоже отдохните как следует!

Сяо Яньцзы мгновенно воспряла духом и негромко бросила на прощание.

Изобразив примерный поклон, она легкой походкой выпорхнула за дверь.

Уже на пороге она обернулась и одарила императрицу сияющей, лукавой улыбкой.

Как только силуэт Сяо Яньцзы растворился за дверями, в покоях воцарилась тишина.

- Ваше Величество, неужели эта Принцесса Хуаньчжу и впрямь изменилась?.. - шепнула Няня Жун, проводив девушку взглядом и возвращаясь к хозяйке.

Императрица ответила не сразу: она лишь наклонилась, собственноручно подняла упавшие на пол чётки и принялась мелко перебирать их в пальцах.

Просто... голова шла кругом, и одновременно с этим защищаться становилось всё труднее.

«Матушка-императрица»... - проше про себя она это словосочетание, и на душе зародилось странное, чужеродное чувство, в котором смешались досада, абсурдность происходящего и едва теплившееся, никем не признаваемое тепло.

Когда-то у неё тоже была принцесса, да только умерла во младенчестве...

Живи её доченька по сей день, она бы наверняка была ровесницей Сяо Яньцзы? Была бы она такой же проказливой и живой, так же льнула бы к ней, любовно называя «матушка-императрица»?

Нет-нет-нет, её дочь непременно росла послушной и благовоспитанной, разве могла она вести себя подобно Сяо Яньцзы... вздорной девчонке? Императрица помотала головой, отгоняя собственные фантазии.

Как бы то ни было, это застойное болото Дворца Куньнин сегодня основательно взбаламутила шальная ласточка, пренебрегающая всеми правилами, а брошенное ею слово «матушка-императрица» наверняка пойдёт кругами по воде, далеко перехлестнув ожидания всех вокруг.

Тем временем на тренировочном поле.

Юн Ци, Эр Кан и Эр Тай упражнялись в боевых искусствах, когда внезапно на площадку с криком влетел запыхавшийся Сяо Чжоцзы. Лицо его побелело, о всяких приличиях он забыл и завопил на бегу:

- Пятый принц! Старший господин Фу! Второй господин Фу! Беда! Принцесса... Принцесса она...

Сяо Яньцзы в одиночку отправилась во Дворец Куньнин «мириться», запретив Цзы Вэй и Цзиньсо следовать за ней. Цзы Вэй же, оставшись позади, не находила себе места от тревоги и в конце концов отправила Сяо Чжоцзы разыскать Юн Ци, Эр Кана и Эр Тая – с ними за спиной в случае беды удастся хотя бы пресечь худшее.

Увидев, как перепуганный Сяо Чжоцзы несётся к ним, мужчины почувствовали, как сердце ухнуло в пятки. Бросив оружие, они бросились к нему с расспросами:

- Сяо Яньцзы! Что с Сяо Яньцзы?!

Переведя дух, Сяо Чжоцзы выдал членораздельно:

- Принцесса... Принцесса спозаранку... отправилась во Дворец Куньнин выразить почтение императрице! Говорят, что...

<http://bllate.org/book/22027/2290098>